

В.Г. Бенедиктов

**Сочинения В.Г.
Бенедиктова**

Том 1-2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.Г. Бенедиктов**
Сочинения В.Г.Бенедиктова: Том 1-2 / В.Г. Бенедиктов – М.: Книга по Требо-
ванию, 2015. – 694 с.

ISBN 978-5-517-97027-5

ISBN 978-5-517-97027-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

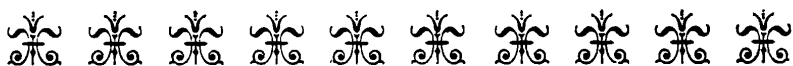
Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

БІОГРАФІЯ В. Г. БЕНЕДИКТОВА

СОСТАВЛЕННАЯ
Я. П. ПОЛОНСКИМЪ

I.

В. Г. Бенедиктовъ родился въ 1807 году, 5 ноября, въ С.-Петербургѣ. Дѣтство его прошло въ Олонецкой губерніи, въ Петрозаводскѣ, гдѣ отецъ его получилъ мѣсто со вѣтника губернскаго правленія, и куда привезъ семью свою.

Весьма возможно, что суровая природа: лѣса, камни, озера, поѣздки на Кивачъ, яркія вѣчернія краски и пасмурные, бурные дни, вліяли на впечатлительную душу ребенка, — будущаго поэта; но какъ вліяли? Это вопросъ трудный, и никто безъ натяжекъ не разрѣшитъ его. Не природа, для всѣхъ одинаковая, играетъ тутъ главную роль..... Бенедиктовъ же, какъ мальчикъ, конечно не высказывалъ, да и не могъ никому высказать, что происходило въ ребяческой душѣ его. Стихотворныхъ способностей онъ еще ничѣмъ не обнаруживалъ, находилъ писаніе стиховъ очень труднымъ, и не разъ наивно допрашивалъ своего родителя: „какъ это пишутъ стихи?“ Эти вопросы, конечно, намекаютъ только на то, что стихи рано начали интересоваться его. Въ 1817 году,

девяти лѣтъ, поступилъ онъ въ Олонецкую губернскую гимназію.

Гимназія была четырехклассная, и Бенедиктову не было еще 14 лѣтъ, какъ онъ уже кончилъ гимназическій курсъ: значить, зналъ уже грамматику Греча и риторку Кошанскаго.

Способности Бенедиктова были многосторонни; онъ могъ-бы сдѣлаться и замѣчательнымъ математикомъ, если-бы съ раннихъ лѣтъ встрѣтилъ въ одномъ изъ своихъ наставниковъ человѣка, способнаго заинтересовать или увлечь его математическими науками. Онъ жаждалъ истины, и чтобъ поддержать въ немъ эту жажду, нуженъ былъ наставникъ недюженный. Къ счастью, одинъ такой наставникъ нашелся и въ Олонецкой гимназіи. Это былъ нѣкто Яконовскій, учитель словесности, — единственный, который могъ заставить ученика полюбить предметъ свой, такъ какъ самъ не только искренно любилъ свою грамматику или риторку, не только любилъ поэзію и поэтовъ, но и самъ стихи писалъ. Стихи эти, по большей части, праздничные и именнныя, хотя и канули въ вѣчность или въ такъ называемую Лету — рѣку забвенія, но не прошли безслѣдно. Они дали отроку Бенедиктову первый толчокъ къ стихотворнымъ упражненіямъ. Упражнения эти были неудачны и подвергались той-же участи, какъ и похвальные куплеты его наставника.

Классическіе языки едва ли были въ то время изучаемы въ нашихъ гимназіяхъ въ такихъ предѣлахъ, чтобъ Овидій, Гораций, Вергілій и другіе классическіе поэты настолько понимались, чтобъ могли имѣть какое-нибудь эстетическое вліяніе на умъ или хотя на слогъ даровитыхъ мальчиковъ; по крайней мѣрѣ, даже въ лучшихъ стихотвореніяхъ Бенедиктова, даже въ переводахъ изъ Андрея Шенье мы ни на каплю не замѣчаемъ вліянія классической школы. Но, если и въ настоящее время чувствуется замѣтный недостатокъ въ преподавателяхъ латини, способныхъ пріохотить учениковъ своихъ къ изученію духа и красоты переводимыхъ ими латинниковъ, — то что же было тогда?!

Недаромъ Н. Н. Гербель, въ своей краткой біографіи Бенедиктова (см. Русскіе поэты, стр. 419), говоритъ (и вѣроятно говоритъ со словъ самого Бенедиктова), что даже въ столицѣ, во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, куда поступилъ Бенедиктовъ въ 1821 году, преподаватели были такъ плохи, что служили только предметомъ насмѣшекъ для учениковъ своихъ. Въ этомъ корпусѣ, куда Бенедиктовъ, выдержавъ экзаменъ, поступилъ въ одинъ изъ среднихъ классовъ, не нашлось даже и такого преподавателя, какимъ былъ Леоновскій. Кадеты не смѣли и показывать учителямъ плоды своихъ юношескихъ поползновеній къ сочинительству, и только другъ другу, по-товарищески, сообщали ихъ, переписывали въ свои тетрадки, и пользовались взаимно одобрительными или насмѣшливыми замѣтками.

Бенедиктовъ и въ корпусѣ продолжалъ заниматься стихотворствомъ, что помѣшало ему хорошо учиться всѣмъ предметамъ, въ особенности математикѣ; впрочемъ, о кадетскихъ стихахъ его (по большей части смѣхотворныхъ) между его товарищами сохранилось очень смутное преданіе.

Жаль, что Бенедиктовъ не поступилъ въ университетъ, такъ какъ едва ли не въ однихъ нашихъ университетахъ, даже и въ то время, мелькали искорки кой-какихъ идей, — во всякомъ случаѣ взгляды на науку и жизнь были шире и требовательнѣе. Мы говоримъ жаль, потому что нельзя писателю имѣть вліяніе на своихъ современниковъ, если самъ онъ въ ранніе годы ни разу не подчиняется никакимъ вліяніямъ и не побуждалъ ихъ собственнымъ умомъ своимъ. Что же можетъ быть благотворнѣе вліянія идей, разрабатываемыхъ умственными силами всего человѣчества? Мы говоримъ жаль, потому что Бенедиктовъ, какъ литературный дѣятель, не смотря на всѣ свои способности и поэтической даръ, остался безъ всякаго замѣтнаго вліянія на развитіе нашего мыслящаго общества. Первымъ ученикомъ вышелъ онъ изъ корпуса, 25 іюня 1827 г. (т. е. двадцатилѣтнимъ юношей) и тотчасъ же, въ чинѣ прапорщика, поступилъ въ л.-гв. Измайловскій полкъ.

Черезъ три года произведевъ онь въ поручики, и въ январѣ 1831 года выступилъ въ походъ противъ польскихъ мятежниковъ.

Остановимся на этомъ промежуткѣ времени. Что это было время страстей и увлеченій, свойственныхъ всякой здоровой юности, — это несомненно; но современный намъ юноша быть можетъ даже и не пойметъ того, что происходило въ кроткой душѣ молодаго Бенедиктова.

Онь былъ влюбленъ въ сестру одного изъ своихъ полковыхъ товарищей — Козлова. Въ ту-же дѣвушку былъ влюбленъ и другой его товарищъ, нѣкто Колз—въ. Оба ухаживали; но Бенедиктовъ ухаживалъ безуспѣшно — и скоро догадался, что соперникъ его имѣеть всѣ шансы на успѣхъ, такъ какъ сердце любимой имъ дѣвушки, очевидно, клонилось къ тому, чтобъ предпочесть красиваго молодаго чловѣка, чловѣку далеко не красивому, не ловкому, и вдобавокъ очень бѣдному, т. е. ему, В. Г. Бенедиктову. Какъ же онь поступилъ въ этомъ случаѣ? Неужели презрѣлъ ее и возненавидѣлъ соперника или, въ минуты ревности, тоски и отчаянья, сталъ проклинять судьбу свою? Нисколько. Доброта его и самообладаніе были такъ велики, что всѣ свои стихотворенія, вдохновляемые красотой и любовью, онь приносилъ своему счастливому сопернику, прося его, чтобъ тотъ отъ своего имени, какъ собственные свои стихи, передавалъ ихъ той, которая отвергла любовь его. Страстный Бенедиктовъ, какъ чловѣкъ, стоялъ выше страсти и въ этомъ находилъ, быть можетъ, свое единственное утѣшеніе... Дѣвушка жила на петербургской сторонѣ, и недаромъ, въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, „*Петербургская сторона*“, онь говоритъ:

Зачѣмъ туда летѣли взгляды?

Зачѣмъ туда, чрезъ невскій токъ,

Убогій несъ меня челнокъ

Въ часъ тихій вечера прохлады?

Зачѣмъ? Друзья мои, не скрою,
Тотъ край, любви моей страна
и т. д.

Другое чувство, это — побужденіе, общее многимъ юношамъ того времени, побужденіе поэтизировать трудности военной службы. Я родился позднѣе Бенедиктова, и помню еще до сихъ поръ одного изъ моихъ гимназическихъ товарищей, Сашу Красницкаго, который, поступивъ въ юнкера, жаждалъ смерти въ бою съ непріятелемъ, и какъ первые христіане мечтали о счастіи погибнуть за Христа, такъ и онъ мечталъ о гибели за отечество.

Не это-ли чувство заставляло Бенедиктова воспѣвать бивакъ и даже къ саблѣ своей относится, какъ къ существу дорогому и милому? — Какъ это смѣшно воспѣвать саблю! Но, какъ видно, для юноши Бенедиктова она имѣла особое, намъ уже непонятное, значеніе... Иначе трудно и объяснить себѣ нѣкоторыя изъ его молодыхъ стихотвореній.

Однажды на походѣ, кажется въ Ломжѣ, Бенедиктовъ зашелъ въ одну цукерню, и сидѣлъ въ толпѣ своихъ сотоварищей: вдругъ влѣмывается къ нимъ какой-то офицеръ и спрашиваетъ; не тутъ ли поэтъ Бенедиктовъ, который въ корпусѣ былъ ему товарищемъ? И затѣмъ при всѣхъ наизусть декламируетъ какіе-то стихи его, писанные имъ еще въ кадетскомъ корпусѣ, по поводу наводненія 1824 г. Стихи, изъ которыхъ одинъ изъ присутствующихъ запомнилъ только два стиха, а именно:

Бревно стучить, стучить и тинеть душу робку...
Такъ штопоръ изъ моей бутылки тинеть пробку.

Сравненіе болѣе чѣмъ странное; но какъ въ этомъ сравненіи виденъ уже будущій Бенедиктовъ, какъ писатель! На мои разспросы, былъ ли Бенедиктовъ въ какомъ-нибудь сраженіи, — мнѣ сказали, что нѣтъ, но если Бенедиктовъ получилъ орденъ св. Анны 4-й степени *за храбрость*, то вѣроятно и онъ участвовалъ въ какой-нибудь стычкѣ съ не-

пріятелемъ. Впослѣдствіи онъ никогда не говорилъ о своемъ прошломъ. Что касается до службы Бенедиктова, то ни военная, ни гражданская служба не могла на талантъ его дѣйствовать подавляющимъ образомъ, ибо ни та, ни другая нисколько не противорѣчили ни его политическимъ убѣжденіямъ, ни его религіозному міросозерцанію. Бенедиктовъ былъ человѣкъ 30-хъ годовъ, и носилъ на себѣ печать этого, по преимуществу, бюрократическаго времени. Онъ не былъ тѣмъ гениемъ, который, по словамъ Лермонтова, прикованный къ канцелярскому столу, непременно бы съ ума сошелъ. Обладая математическими способностями, памятью цифръ и вѣрностью счета, Бенедиктовъ не только могъ спокойно служить въ государственномъ банкѣ, но и быть однимъ изъ лучшихъ, цѣнимыхъ начальствомъ, чиновниковъ. На Бенедиктова мы смотримъ, какимъ онъ былъ, и не обязаны смотрѣть какъ на человѣка, какимъ онъ могъ бы быть при другихъ обстоятельствахъ или при иныхъ душевныхъ и тѣлесныхъ качествахъ.

II.

Съ выходомъ изъ военной службы, для Владиміра Григорьевича Бенедиктова не порвались прежнія, товарищескія связи съ офицерами измайловскаго полка, а прибавились новыя. Нельзя было не любить этого честнаго, добраго и въ высшей степени кроткаго человѣка. — Конечно, гулъ похвалъ и слава не могли не льстить поэту, и не могли его не радовать; но не сдѣлали его ни гордымъ, ни заносчивымъ. Если другіе и ставили на пьедесталь поэта Бенедиктова, то самъ онъ никогда не лѣзъ на эту высоту. Падать ему было не съ чего, и стало-быть ему ничего не стоило сохранить въ себѣ то же человѣческое достоинство, ту же кротость и то же спокойствіе въ тѣ дни, когда эта слава отъ него отвернулась и охладѣла къ стихамъ его легкомысленная и измѣнчивая публика.

Что и мимолетная слава не дается даромъ, и не прохо-

дигъ безъ друзей лицемѣрныхъ и друзей искреннихъ: у Бенедиктова были и лицемѣрные друзья; но онъ едва ли замѣчалъ ихъ, постоянно вращаясь среди людей, дѣйствительно отъ всей души ему преданныхъ. До 1836 г. самый интимный кружокъ Бенедиктова составляли: П. П. Ершовъ, авторъ сказки „Конекъ-горбунокъ“, и нѣкто Бахтуринъ, неизвѣстный свѣту стихотворецъ (въ родѣ Соболевскаго), острякъ и кутила... Это дружеское тріо—Ершовъ (тогда еще только что окончившій курсъ въ С.-П.-Б. университетѣ), Бахтуринъ и Бенедиктовъ, задумывали издать альманахъ, наполнить его своими произведеніями и, подъ заглавіемъ „Мы Вамъ“, выпустить въ свѣтъ съ виньеткой, изображающей несущуюся тройку, и съ эпитафіомъ:

„Вотъ мчится тройка; но какая?
Вдоль по дорогѣ; но какой?!“

Альманахъ не состоялся, и мы остаемся въ неизвѣстности на счетъ стихотвореній г. Бахтурина: одно только его четверстишіе сохранилось въ памяти одного изъ его пріятелей; вотъ оно:

Переплывъ черезъ Ахеронъ,
Бахтуринъ выскочилъ изъ лодки:
—Гдѣ тутъ трактиръ, мой другъ Харонъ?
Нельзя ли выпить водки?

Затѣмъ пріятелями Бенедиктова были Желтухинъ, редакторъ „*Журнала земледѣльцевъ*“, Филимоновъ—авторъ поэмы: „Дурацкій колпакъ“, П. А. Коровкинъ—театраль и авторъ нѣсколькихъ водевилей, И. П. Корниловъ, бывшій его полковой товарищъ, Д. С. Муравьевъ, офицеръ Измайловскаго полка, въ домѣ котораго была своя, домашняя сцена; А. К. Баумгартенъ, мастерской чтець трагическихъ ролей, и почти что все тогдашнія знаменитости Александринскаго театра: братья Каратыгины, Дюръ, Сосницкій и Мартыновъ.

Судя же по литературнымъ воспоминаніямъ И. И. Па-

паеза, Бенедиктовъ былъ всюду приглашаемъ, и былъ знакомъ почти что со всѣми тогдашними литераторами, начиная съ отживавшаго вѣкъ свой Воейкова, и кончая самимъ И. И. Панаевымъ. Конечно, всѣ эти свѣдѣнія не полны, но мы записываемъ ихъ въ надеждѣ, что, можетъ быть, нѣкоторые изъ современниковъ Бенедиктова, лично его знавшіе, пополнятъ или исправятъ ихъ. Скажемъ только, что то веселое, полное надеждъ и силъ, по свѣдѣнію любящее искусство, общество, было именно таково, что могло ненарушимо поддерживать въ Бенедиктовѣ и его идеальныя воззрѣнія на жизнь, и его оптимизмъ, и его вѣру въ Россію, въ *людей и жизнь иную*. Бенедиктовъ же и не былъ склоненъ къ анализу или отрицанію—духъ сомнѣнія, какъ увидимъ, очень поздно посѣтилъ его, уже среди иныхъ людей, среди иного, подрастающаго поколѣнія.

III.

Обезпеченный денежною тогдашней жизни и небольшимъ жалованьемъ, Бенедиктовъ могъ еще кое-какъ существовать, но на свои средства не могъ напечатать и перваго выпуска своихъ стихотвореній. Кто же въ этомъ случаѣ помогъ ему? Отвѣтимъ на это выпиской изъ воспоминаній г-жи К—фъ, напечатавшей въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ интересныя записки свои, подъ заглавіемъ: „Жизнь прожить—не поле перейти“.

„По возвращеніи изъ Пензы въ Петербургъ“, пишетъ г-жа К—фъ: — „я познакомилась съ В. Г. Бенедиктовымъ, который былъ съ дѣтства пріятелемъ моего мужа. Знали, что онъ писалъ стихи, но онъ никому ихъ не показывалъ; наконецъ, мы упросили его прочесть и были въ восторгѣ. Мой мужъ, какъ и я, страстно любилъ поэзію и былъ увлеченъ стихами Бенедиктова: онъ носился съ ними, какъ съ неожиданно найденнымъ сокровищемъ, прочиталъ ихъ многимъ литераторамъ, которымъ они также чрезвычайно понравились, и всѣ радовались появленію въ русской литературѣ новаго

поэта съ такимъ выдающимся дарованіемъ. Не смотря на огромный успѣхъ, который имѣли въ гостинныхъ стихотворенія Бенедиктова, онъ не рѣшался печатать ихъ, тѣмъ болѣе, что находился тогда въ довольно стесненныхъ обстоятельствахъ и не имѣлъ на это средствъ. Мой мужъ взялся напечатать на свой счетъ. Точно такую же услугу онъ оказалъ Нестору Васильевичу Кукольникову, напечатавъ его „Торквато Тассо“. Авторъ, тогда еще неизвѣстный, не рѣшался истратить деньги, чтобы представить свое произведеніе на сомнительный судъ публики. Мой мужъ уговорилъ его, самъ напечатать и, такимъ образомъ, первый познакомилъ публику съ двумя замѣчательными поэтами. Печатаніе, потомъ появленіе стихотвореній Бенедиктова меня чрезвычайно занимали. Томикъ его стихотвореній скоро былъ раскупленъ, и они имѣли необыкновенный успѣхъ. О нихъ вездѣ говорили, и клали на музыку, учили наизусть. Во всѣхъ журналахъ ихъ расхвалили, только въ Москвѣ Бѣлинскій ихъ отдѣлалъ, на что я очень негодовала. Всѣ желали познакомиться съ новымъ поэтомъ. Жуковскій, который жилъ тогда въ Зимнемъ дворцѣ и прѣнималъ по субботамъ, написалъ мужу премилую записку, прося его привезти непременно Бенедиктова. Успѣхи поэта чрезвычайно насъ радовали. Въ скоромъ времени Бенедиктовъ самъ уже приступилъ ко второму изданію, которое посвятилъ мнѣ со слѣдующими стихами.

Необиженный судьбами,
 Награжденный за мечты,
 Повергаю передъ вами
 Вамъ знакомые цвѣты:
 Вы ихъ, сирыхъ, обласкали,
 Изъ безвѣстности нѣмой
 Къ свѣту путь имъ указали
 Благосклонной похвалой,
 И теперь, чтобъ вышелъ краше
 Скудный сборъ стиховъ моихъ,

Свѣтлый видъ улыбки вашей
Отпечатайте на нихъ.

„Бенедиктовъ самъ по себѣ не очень былъ интересенъ. Онъ былъ малъ ростомъ, имѣлъ круглое, красное одутловатое лицо, свѣтлые, блуждающіе глаза; по фізіономіи онъ былъ не симпатиченъ, но онъ былъ умный, благородный чело-вѣкъ, и съ большими способностями. Университетскаго обра-зованія онъ не получилъ, но любилъ науки, особливо есте-ственные, занимался ими и написалъ пространную популяр-ную астрономію, какъ говорили, замѣчательную; жаль что она осталась подъ спудомъ.

„Въ молодости Бенедиктовъ былъ очень влюбчивъ и не одна „*Незабвенная*“ заставляла трепетать его сердце, не къ одной только писалъ онъ страстные стихи; но привязан-ности его были, какъ-то, неудачны: то ему измѣняли, то онъ самъ перемѣнялся. Наконецъ, его влюбила въ себя ка-кая-то полька почтенныхъ лѣтъ и сомнительной репутаціи. Она жила съ мужемъ, Бенедиктовъ хлопоталъ о разводѣ, чтобы вступить съ нею въ законный бракъ; не знаю, почему это не удалось, и они всю жизнь провели въ незаконной связи, не удовлетворяющей, какъ это всегда бываетъ, ни ума, ни сердца. Онъ не представлялъ ей даже близкихъ друзей своихъ и никуда съ нею не показывался. Онъ имѣлъ хорошее мѣсто въ министерствѣ финансовъ, съ казенною квар-тирой, былъ совершенно обеспеченъ и могъ сом атоге за-ниматься стихотворствомъ.

„Бенедиктовъ имѣлъ огромный успѣхъ, но не продолжи-тельный. Нѣкоторые писанные имъ впоследствии не совсѣмъ удачные стихи были жестоко осмѣяны. Явились критики, ко-торые отвергали въ немъ даже всякое дарованіе; въ числѣ ихъ былъ и Полевой, за что я вела съ нимъ жаркіе споры. Бездарность не могла бы пріобрѣсти столько почитателей, и не возбудила бы такого восторга посреди людей самыхъ обра-зованныхъ и даровитыхъ. Жуковскій, Пушкинъ и Крыловъ